

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6
П56

*Составитель серии Андрей Геласимов
Художник Кирилл Прокофьев*

Пономарев А.

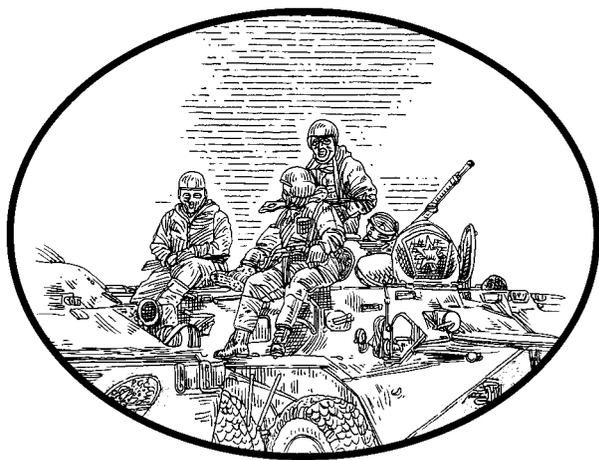
П56 Наш принцип. Сборник. – М.: ИД «Городец», 2019. – 296 с. (Серия «Ковчег».)

Сергей служит в Липецком ОМОНе. Наряду с другими подразделениями он отправляется в служебную командировку, в место ведения боевых действий — Чеченскую Республику. Вынося порой невозможное и теряя боевых товарищей, Сергей не лишается веры в незыблемые истины. Веры в свой принцип. Книга Александра Пономарева «Наш принцип» — не о войне, она — о человеке, который оказался там, где горит земля. О человеке, который навсегда останется человеком, несмотря ни на что. Настоящие, честные истории о солдатском и офицерском быте того времени. Эти истории заставляют смеяться и плакать, порой одновременно, проживать каждую служебную командировку, словно ты сам оказался там. Будто это ты едешь на броне БТРа или в кабине «Урала». Ты держишь круговую оборону. Но, как бы ни было тяжело и что бы ни случилось, главное — помнить одно: своих не бросают, это «Наш принцип».

ISBN 978-5-907085-23-7

© А. Пономарев, 2019
© ИД «Городец», 2019

БЫЛИ О ЛИПЕЦКОМ ОМОНЕ

Грозный — Липецк. Домой

Пыль плясала в воздухе, она густым слоем лежала на тенте, на кабине машины, в кузове и забивалась, казалось, всюду: под берет, в складки камуфляжа, обувь, за шиворот. И все тело начинало нестерпимо чесаться. Пыль мелкой пудрой залепляла рот, нос и глаза. Она, смешиваясь с потом, неприятно текла по спине восковой массой. Сергей вздохнул и протер ладонью автомат, бережно прижатый к груди, не забыв поправить кусочек медицинского бинта, которым у него и его товарищей было принято заматывать дуло оружия, чтобы грязь не попадала в ствол. Многие из парней оказались дальновиднее и надели на голову черные маски, предназначенные для спецопераций, и теперь только вертели по сторонам головами, не замечая дискомфорта.

«Урал» надсадно засипел движком и медленно поехал юзом. Машина дернулась и остановилась. Вся колонна встала. Машины, держа дистанцию, ютились вдоль серпантина. Сергей смотрел из кузова автомобиля, как молодой рыжий водитель, плюясь и чертыхаясь, бестолково почесывая затылок пятерней, выскочил из кабины

и, пробежав вдоль борта, снял с фаркопа пустое ведро. Затем водитель открыл капот и, пожимая плечами, стал наблюдать за дымящимся двигателем.

— Военный, у тебя вода-то есть с собой? Движок запрешь, — из кузова «Урала» на водителя насмешливо смотрел кареглазый Игорь Воеводин.

Пацан-водитель, вжав шею в плечи, отрицательно покачал головой.

— Понятно, смотри — враг не дремлет. Из-за тебя попадем под молотки, — продолжал Воеводин.

Водитель, чуть не плача, переводил взгляд с одного лица на другое. Ему совсем не хотелось попадать под молотки. Но лица парней в камуфляжах источали равнодушие.

— Ладно, не пугай пацана, — включился в разговор командир взвода, лейтенант Иван Андреев, — на, налей в систему, через пятнадцать минут Толстой-Юрт. Там залешь воды во всю тару, какая есть. Понял? — сказал он, протягивая водителю канистру с водой.

Водитель, подпрыгнув кочетом, кинулся исполнять команду. Вылив в движок всю канистру, он, виновато глядя на Воеводина, доложил лейтенанту: «Все, товарищ лейтенант, можем ехать».

Андреев, убедившись, что все нормально, встал в кузове в полный рост и показал движением руки: «Все в порядке. Можем продолжать движение». Вообще-то у каждого старшего машины были радиостанции, но при движении в колонне ими не пользовались, доверяя больше дедовскому способу, потому что «духи» прослушивали радиоэфир и пасли все воинские колонны.

Караван, подняв облако пыли, снова тронулся в путь.

Всего полчаса назад колонна вышла из Ханкалы на Моздок, и вот непредвиденная остановка. Сколько еще их будет? Одному Богу известно.

Сергей отвинтил крышечку фляжки и сделал пару глотков. Теплая вода неприятно защипала горло, и возникло такое впечатление, будто глотнул подогретого подсолнечного масла. «Да, — подумал Сергей, — Восток — дело тонкое. Прав был товарищ Сухов».

Сергей закрыл глаза, уставшие от постоянного прищуривания, и воспоминания старой черно-белой киноленты понеслись перед его глазами...

Кто-то громко под ухом Сергея сказал: «Толстой-Юрт». Он открыл глаза. В кузове во весь рост стоял Андреев. Распорядившись насчет дисциплины и выставив двух бойцов в боевое охранение колонны, он громко сказал:

— Стоянка пятнадцать минут, можно покурить и оправиться, — и уже тихонько Сергею: — Серый, ты посмотри тут. Я в кабину пересаживаюсь. Водитель джуге молодой, боюсь, что-нибудь наворочает.

Сергей утвердительно кивнул головой, встал, разминая ноги и осматриваясь по сторонам. Толстой-Юрт — село небольшое, как будто вымерло, только недалеко в поле паслись отары овец. Ничем Толстой-Юрт не был примечателен, разве вот только тем, что он являл собой родину Аслана Масхадова.

Молодой водитель, которого звали просто Сашка, научившись на своих ошибках, мухой метался между машиной и колодцем. Не набрал воды он разве что в рот.

Сергей смотрел, как Игорь Воеводин, сидя на борту кузова, продолжал издеваться над водителем Сашкой.

— А ты знаешь, — проникновенно говорил он Сашке, — что, если ты чего-нибудь накосячишь, наш командир может дать команду тебя расстрелять?

— Как расстрелять? — хлопая белесыми ресницами, отвечал Сашка. — Я же свой.

— Свой-то свой, да только мы с тобой на войне, дружище, прикажет — расстреляют. По законам военного времени. Только я в тебя нипочем стрелять не стану. Я к тебе привык.

— Да я здесь затем же, зачем и вы! — чуть не плача, умолял его Сашка.

— Я все понимаю! — поймав водителя на крючок и улыбаясь одними глазами, продолжал Воеводин. — Но у нас отряд милиции особого — понимаешь? — особого назначения. Мы тут знаешь какие серьезные задачи выполняли? А ты! Водила из мобильного отряда, да тут вашего брата знаешь сколько? Плюнь — и в водилу попадешь. Одним больше, одним меньше. Какая разница? Никто даже не заметит. Спишут на боевые.

Ребята в кузове посмеивались, пряча улыбки в воротники, но тут раздалась спасительная для Сашки команда: «По машинам!» Водитель, выдохнув, кинулся в кабину и завел движок.

Караван, подняв облако пыли, вновь отправился в путь.

Сергей повторно отвинтил крышечку и глотнул из фляжки. Нет, это невыносимо. Ощущение было таким, как будто выпил расплавленного сапожного клея.

— Товарищ капитан, глотни свеженькой. Только сейчас набрал, — Сергею протягивал баклажку с водой молоденький сержант Петька Кулемин.

Сергей глотнул прохладной влаги, и, как обычно, тут же его поры раскрылись, и по лицу, по телу предательскими струйками потек едкий соленый пот. Сергей благодарно кивнул Кулемину, еще раз вспомнив героя фильма «Белое солнце пустыни»...

Двигатель зачихал по-стариковски, машина начала дергаться рывками. Сергей приоткрыл сначала правый, затем левый глаз. На него недоуменно смотрел сержант.

— Обычное дело, — ответил Сергей на его немой вопрос.

— Чего? — не расслышал тот.

— Я говорю — обычное дело: движку кислорода не хватает. Перевал.

— А, понятно, — закивал в ответ Кулемин, — та-арищ капитан, может, водички прохладненькой? Осталась еще!

Сергей отмахнулся, облизал сухие губы и вновь задремал, кивая непослушной головой...

Поезд с омоновцами пришел тогда не в Липецк, а почему-то в Грязи. Бородатая, грязная, вооруженная орда, выскочив на перрон, открыла огонь в воздух из всех видов оружия, причем в ход шли не только ракетницы и сигнальные мины, но и стрелковое оружие. Местные жители, видимо решившие, что война докатилась и до их маленького городка, кинулись в разные стороны, давя и калеча друг друга.

— Там вас, это, к трубочке зовут. Вы уж подойдите, будьте добреньки, товарищ командир, — дергая полковника Атаманова, командира отряда, за рукав и заглядывая ему в глаза, почти в самое ухо прокричал путевой обходчик в помятой куртке.

— Атаманов, вы что там за войну в Грязях устроили? Совсем от рук отбились? Народ все телефоны оборвал, — кричал ему в трубку ответственный по УВД.

— Товарищ полковник, холостыми, салют ребята устроили. Не чаяли, что живыми домой вернуться, — оправдывался командир.

— Холостыми! Ну, это куда ни шло. Только порадовались, и хватит, Аркадий Иванович. Прекращай там эту импровизацию.

Через несколько минут перрон опустел, и только прапорщик Женя Заимкин, изрядно хлебнувший по дороге

спиртного, обнимал родную землю, извозившись в вокзальной пыли и размазывая по лицу пьяные грязные слезы...

— Слезайте, граждане, приехали — конец, — пропел, трогая Сергея за плечо, лейтенант Трофим Лямин. Сергей даже не заметил, как колонна остановилась. Трофим, ехавший в другой машине, тербил его, встав на колесо «Урала».

— Проснись, Серега. Станица Червленая. Выйди — разомни ножки. О-хо-хо.

— Сейчас. — Сергей встал в кузове. — Воеводин, в боевое охранение колонны.

— А че я-то, товарищ капитан, — недовольно проворчал Воеводин, но одним прыжком выскочил из кузова на землю.

— Много текста, — кинул ему вслед Сергей и, обращаясь к Трофиму: — Да я здесь постою — покурю.

— Ну, как знаешь, Серый. — И Лямин исчез за бортом «Урала».

Остановка длилась не более десяти минут.

А потом колонна, подняв вверх облако пыли, ушла по направлению к намеченной цели. Караван исчез, а пыль еще долго хороводом танцевала в воздухе, искала объект приземления. Но, не найдя никого и ничего, обиженно улеглась на дорогу, поджидая новую жертву...

Сергей открыл глаза. Песок скрипел на зубах, он перенулся через борт машины и плюнул.

В кузове стоял хохот. Это Улугбек Алиев рассказывал байки. Улугбек по национальности был казахом. Он служил в рядах Советской Армии в Липецке на военном аэродроме. Был он кинологом, то есть вожатым служебных собак. После, женившись на русской девушке, остался на сверхсрочную, получил квартиру и, заведя шестерых

детей, обрусел. Потом судьба привела его на работу в милицию. Про себя он говорил так: «Глаза — узкий, нос — плюский, я совсем как русский». Байки Улугбек любил рассказывать про своего армейского начальника, майора Лыкова, по кличке Лом.

— Представляете, парни, — заливался Улугбек соловьем, — ушел он на пенсию, это про Лыкова, приехал на своем «Москвиче» в часть по каким-то кадровым делам. Вышел из штаба, сел на пассажирское сиденье, достал газету и читает. А сам на часы поглядывает и головой качает. Мол, где же водитель? Все ходят и ржут над ним. Двадцать минут сидел, потом вспомнил, что на пенсии, пересел на водительское место и уехал.

А еще был такой случай: с вечера Лом выпил лишнего и заночевал у себя в кабинете, он всегда так делал, жена у него слыла брюзгой. Выпив много, он говорил: «Останусь в части, не хочу слушать ночную лекцию о вреде пьянства». Так вот, к сути — Лом был человеком довольно преклонного возраста, поэтому, постелив у себя на рабочем столе и раздевшись, впал в кому. А ночью, захотев в туалет, не смог проснуться. Встал он утром и, увидев на столе продукты своего вчерашнего застолья, понял, что случилось страшное. Надо что-то делать: он, отрывая по клочку газеты, брал кусочки своих экскрементов и по чуть-чуть выбрасывал их в форточку. Окончив это мероприятие, он вышел на крыльцо и, сделав строгое лицо, говорит мне: «Алиев, ты за своими собаками лучше смотри! У меня под окном нагадили. Иди, убери за ними, а то воняет!»

— А ты ему что, ну что сказал-то? — Ребята в кузове изнывали, готовясь к финалу.

— А что я, — Улугбек выдержал паузу, почти по Станиславскому, — говорю: «Товарищ майор, я четыре года с

собаками работаю, но еще ни разу не видел, чтоб они задницу бумажками вытирали».

Ребята в кузове попадали на пол и только стонали от смеха.

Сергей выглянул из кузова. Караван дружно двигался по равнине. «Лакха Невре», — прочитал он на мелькнувшем дорожном указателе. В переводе на русский это означало Верхний Наур. Теперь можно было немножечко расслабиться. Равнинные чеченцы, которые издавна живут на территориях Наурского и Надтеречного районов, всегда были лояльны к русским. Даже во времена правления Масхадова они считались оппозицией и ратовали за мирные отношения с Россией.

Рядом с Петькой Кулеминым молча сидел старший прапорщик Валерка Чумаков. Сергей вспомнил Валеркины похождения и усмехнулся. Валерик был немного грубоват, но всегда бодр и весел. Всех симпатичных девчонок он называл одноклассницами. Если ему поверить, то его школьный класс состоял, как минимум, из тысячи человек. Он мог спросить у проходящих мимо девушек: «Девчата, а как с вами в баню сходить?» И, услышав в ответ: «Никак!», обиженно кинуть вслед: «Ну и ходите грязными!»

Еще, как-то патрулируя по городу на «уазике», он увидел знакомую девушку с подружкой и решил обозначить свое присутствие. Он открыл дверь автомобиля и крикнул: «Эй, двое, быстро ко мне!» Девчата газанули с низкого старта и, не оглядываясь, скрылись за горизонтом. Валера не смог догнать их даже на машине. И сколько он ни кричал им вслед: «Да пошутил я! Пошутил!», девушки не слышали его и подбегали уже, наверное, к канадской границе.

Машина притормозила и приняла вправо. Сергей выглянул из кузова. С правой стороны дороги высились две

пятиэтажки, с левой расположился большой палаточный городок для беженцев. «Станица Знаменская», — отметил про себя Сергей. Впереди виднелся большой перекресток, на нем высился двухэтажный блокпост. На всех четырех направлениях выставлены шлагбаумы.

Все порядком устали, поэтому остановка длилась не более пяти минут. Колонна, обогнув кольцо, ушла в направлении села Братское.

А Сергей опять провалился в дрему.

Он резко проснулся и попытался подняться, так как со всех сторон была слышна автоматная стрельба. Но, увидев, что ребята вокруг улыбаются и приветственно машут руками, понял, что колонна проезжает Братское, где на блоке расположился Тамбовский ОМОН. Земляки провозжали липчан самодельным салютом.

Водители во всей колонне синхронно нажали на сигнал. Караван выехал из Чеченской Республики и держал курс на Моздок, до которого осталось ехать около двадцати минут. Сзади остался крайний блокпост на чеченской земле. А впереди лежали уже родные осетинские просторы.

Колонна остановилась около Мобильного отряда. Омоновцы по очереди спрыгивали на землю. С соседних машин сгружали отрядный скарб и личные вещи. Все смеялись, а вокруг царило веселое возбуждение.

— А вот теперь, военный, дай-ка я тебя расцелую, — Игорь Воеводин заграбастал водителя Сашку и теребил его, — молодец! Вот теперь тебя люблю я, вот теперь тебя хвалю я. Здорово довез.

Сашка смущенно улыбался. Он уже забыл все непонятки, которые случились в дороге, и только, нахмурившись, стучал ногою по баллонам — завтра ему предстоял обратный рейс.

Домой. В Моздоке их уже ждали несколько гражданских автобусов с сорок восьмым регионом на номерах.

Колонна остановилась на выезде из Ростова. Омоновцы лениво и неохотно выходили из «Икарусов» размять ноги и похлебать горячей пищи. Вдоль дороги тянулись ряды придорожных кафе.

— Серый, я уже заказал нам по борщу и по шашлыку, — Сергею махал рукой Трофим Лямин, — только ты угощаешь!

К омоновцам подошли две девушки с заспанными глазами.

— Парни, как насчет продажной любви?

— Нам это ни к чему, девчата, домой едем, к женам. — Игорь Воеводин подмигнул девушкам.

Они с досадой повернулись, отходя в сторону. Тут из автобуса вывалился пожилой водитель. Он держал в руке бублик с маком. Увидев девушек, он оживился.

— Дочка, — тербил он одну из девушек, — хочешь бублик? Угощайся!

— Пошел ты, старый, со своим бубликом, — сквозь зубы прошипела она, — я трахаться хочу! Понял?

Хохотали все. Даже незадачливый водитель сначала стоял, не понимая, за что она его так, а потом махнул рукой и засмеялся вместе со всеми.

В дорогу.

Сергея вывел из оцепенения всеобщий эмоциональный подъем. Ребята, весело переговариваясь, привстали на сиденьях автобуса. Все, как один, смотрели вперед, где показался и дымил трубами заводов родной Липецк, встречи с которым парни ждали долгие три месяца.

Боевое крещение

Липецк. Железнодорожный вокзал. Отряд уезжает в свою первую командировку на первую чеченскую войну.

Полный перрон людей: кто-то отправляется в путь, кто-то руководит, кто-то пришел проводить. Всюду обнимались, целовались, пели песни, плясали, плакали. Пожилые женщины украдкой смахивали слезинки платком, молодухи кричали навзрыд. В кругу людей отплясывала пьяная в слюни девушка. Вокруг звенели стаканы, наливаемые под полой. Бойцы одним махом опрокидывали их и косились по сторонам, как бы командир не увидел.

Сам командир стоял в сторонке и внимательно наблюдал. Его жена и дочка были рядом с ним. Но слушал он их и разговаривал с ними рассеянно, вполуха. Дочка, еще совсем маленькая, прижималась к нему и хныкала только потому, что плачет мама. Впоследствии он категорически запретит своим провожать его, перенеся все сцены прощания домой. Здесь он должен руководить людьми, а ему рвут душу и сердце.

Капитан милиции Аркадий Атаманов всего месяц назад был назначен командиром отряда милиции особого

назначения. Капитан — невеликое звание, полковничья должность подразумевала под собой другую кандидатуру. Но грянула первая чеченская, и кандидаты отпали сами собой. А остался только он, умеющий, когда надо, «построить» личный состав, а когда надо — и по голове погладить.

— Принимай отряд, Аркадий Иванович, — сказала ему высокое милицейское начальство, — опыт работы, опять же, образование, засучивай рукава!

Безусловно, харизмой капитан Атаманов обладал. Это признавали все, после того как он проявил себя, тогда еще начальник штаба отряда, в командировке на путче в Москве. Прежний начальник УВД активно поддержал ГКЧП и быстренько отправил Липецкий ОМОН на помощь путчистам. Но закончилось все лопаньем мыльного пузыря. Омоновцы вернулись домой без потерь и потом два месяца отписывались в прокуратуре: зачем попали в Москву и какие задачи там выполняли.

Фактурность от природы и многолетние занятия боксом придавали капитану внешность былинного богатыря. За умение дать сдачи обидчику за ним закрепилось прозвище — Удар Копытом. Пусть кто-то из злопыхателей и называл его за глаза «Урфин Джюс», он просто не обращал на это внимания.

А вот насчет образования... Оно у капитана было не юридическое, год назад он закончил заочно филфак МГУ.

И вот теперь командир оглядывал свое неуправляемое войско. Не мог он прогнать всех этих людей с перрона. Отряд уезжает на войну, и, вернутся ли все его воины назад, известно одному Богу.

Но все когда-то кончается. Закончилось и прощание на перроне вокзала.

Паровоз, дымя трубой, увозил липецких парней в неизвестность. Вагон был специальным, в каждом тамбуре был выставлен круглосуточный пост.

В Моздоке их уже ждали. Отряд был рассажен на три «Урала», и колонна запылила в сторону столицы мятежной республики — Грозного. Въезжая в город со стороны Черноречья, ребята в кузове кутались в полы камуфляжа, ежась от колючего ветра. Звуки дальнего боя неприятно били по нервам, а сам Грозный негостеприимно смотрел на людей пустыми глазницами выбитых окон, как будто оправдывая свое имя.

Липецкому ОМОНу досталась тяжелая работа: охрана ГУОШ — группы управления оперативных штабов. ГУОШ ежедневно и еженощно обстреливался боевиками, и ребята, выставленные в круглосуточные караулы, не смыкали глаз.

Командировка подходила к концу, когда Сергей со своей сменой готовился к очередному заступлению на пост. Старшим поста был прапорщик милиции Иван Татаринцов, прошедший Афган. Вместе с Сергеем, кроме Ивана, на пост заступали еще двое бойцов: сержанты Игорь Лопатин и Андрей Ивакин.

Поначалу Сергей боялся обстрелов и кланялся каждой пуле. Но, глядя, с каким спокойствием и невозмутимостью реагирует на это Иван, он успокаивался и нес службу в соответствии со сложившейся обстановкой.

Младший лейтенант Шамаев, старший предыдущей смены, подслеповато щуря красные от бессонницы глаза, показывал пальцем на полуразрушенное здание напротив новой группы, спустившейся в блиндаж.

— Видите, парни, то здание? Последние пятнадцать минут наблюдаю его, и что-то мне там не нравится. Вроде

шевеления никакого, но предчувствие нехорошее. Вы повнима...

Договорить он не успел. Земля ухнула и вдруг ушла из-под ног. У Сергея возникло впечатление, что его закружило на карусели. В глазах заплясали белые мошки. Стена блиндажа крякнула и начала сползать на Шамаева.

— Из граника, — крикнул Татаринов, — чего стоим? Лопатин, Ивакин остаесть здесь! Семенов, со мной! — И Иван нырнул в темноту.

Сергей выскочил из блиндажа вслед за старшим. Вокруг выла и визжала тысяча поросят. Летели куски кирпича и щебня. Сергей упал на четвереньки и, клацая зубами, пополз.

— Не спать! — услышал он голос Ивана. — Бьешь налево, я направо!

Сергей щелкнул затвором и на вытянутой руке, пригибаясь к земле, начал бить из «калаша».

В ушах звенело, металлический привкус во рту мешал сосредоточиться. Сергей, отстреляв рожок, быстро подсоединил другой и бил, бил, бил, а потом долго не мог понять, почему автомат не стреляет. И только тут увидел склонившегося над ним Татаринова. Тот улыбался своей белозубой улыбкой.

— Все. Отбились мы с тобой, братка!

Сергей, все еще ничего не понимая, смотрел на Ивана.

— Я говорю: все, ушли они. Молодец, Серега. Все делал правильно. Только в следующий раз короткими бей. А то закончатся патроны — тут они нас тепленькими и возьмут.

В следующий раз... Сергей неуютно поежился.

— Не из пугливых ты, видать, — продолжал его подбадривать Татаринов.

— Спасибо, Ваня, только насчет не из пугливых — это ты мне льстишь.

— Ничего! В первый раз не у каждого выйдет как у тебя. Я, брат, знаешь сколько на такое посмотрелся? А то, что стрелял из-за укрытия, — это правильно. Мы дома живые нужны. Это только в кино про всяких там Рэмбо, он гвоздит, стоя в полный рост. И в него почему-то никто не попадает. В жизни и на войне, братан, все по-другому.

Иван и Сергей спустились в полуразрушенный блиндаж. В углу на раскладушке лежал Шамаев, над ним склонились бойцы. Лопатин перевязывал лейтенанта, Ивакин поддерживал голову. Шамаев глухо стонал, на его перебинтованном плече проступали пятна алой крови. Лопатин поднял на вошедших мутный взгляд.

— Ну, что там?

— Не бздеть, пацаны, в этом бою мы опять победили! Нет у них методов против Кости Сапрыкина! — Татаринов подошел к раненому, пощупал пульс, посмотрел зрачки.

— Ничего, жить будет, — ответил он на немой вопрос Лопатина. — Промедол кололи?

— Два шприц-тюбика. Не много? — подал голос Ивакин.

— В самый раз. Молодцы, ребята. Значит, так: берете раненого и транспортируете его на «базу». Командиру доложить все как было. Вопросы?

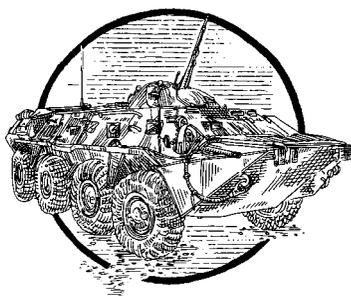
— Есть вопросы. Как доложить-то?

— Правильный вопрос, — улыбнувшись, ответил Татаринов, — голова бойцу дана не только, чтобы берет носить. Боец должен отбить атаку и, главное, грамотно доложить по команде. А доложите так: в 19:07 пост подвергся обстрелу из гранатомета и стрелкового оружия. В результате обстрела был ранен младший лейтенант милиции Шамаев. Остальной личный состав бодр и готов нести службу в полном объеме. Понял, дружище?

— Понятно, — улыбнувшись одними глазами, сказал Лопатин. Ивакин в это время, сокрушенно качая головой и бурча что-то себе под нос, осторожно поднимая, взваливал себе на плечи Шамаева.

Секунда — и бойцы исчезли в темноте. Сергея проби-
рал озноб. Зубы стучали не то от холода, не то от пере-
житого страха.

— С боевым крещением тебя, Серега, — обнимая его
за плечи, молвил Иван Татаринов.

Мафоны

Колонна на трех коробочках входит на окраины села Комсомольское. Впереди идет танк. Танкист лихо поворачивает машину на колее, выбитой десятками единиц автотранспорта.

При въезде в село колонна притормаживает. Посередине улицы, на раскладном стульчике, в удивительно чистом, как будто только что из магазина, камуфляже сидит человек. На плече его формы — шеврон: щит и меч и крупная надпись — ОМОН. Броник, сфера, автомат и разгрузка аккуратно уложены рядом на землю. Парень внимательно читает свежий номер «СПИД-Инфо». То, что происходит вокруг, его, видимо, совсем не волнует.

Офигев от такой картины, командир липчан майор Сидельников, спрыгнув с БТРа, задает парню резонный вопрос: «Дружище, наши где?» Омоновец, не отрывая глаз от журнала, неопределенно жмет плечами.

— А вообще здесь кто-нибудь есть? — продолжает удивляться Сидельников.

— Да не знаю я. Может, есть, а может, и нет! — Парень очень недоволен, что его отвлекают от занимательной статьи.

— Зашибись, — только и сказал командир.

Колонна, фыркнув, уходит в сторону близлежащего села Шалажи. Комсомольское вторую неделю занято боевиками.

Отряд размещается в палатках, заботливо поставленных тыловиками на свежий снег. В первый же день внимание омовцев привлекли люди в форме, бестолково шатающиеся вокруг лагеря. На вопросы они не отвечали, а только пугливо убегали. Командир уже хотел поднимать тревогу, когда к нему подошел юный лейтенант и устало представился: «Командир взвода андрюдов, лейтенант Леха».

Солдаты-срочники из саперного взвода лейтенанта Лехи будут все время жить рядом с омовцами. Командир Сидельников приказывает старшине подкармливать солдатиков.

Старшина, пожилой дядька, вздыхая, смотрел, как парнишки стучат ложками и в мгновение ока опустошают миски. У него тоже был взрослый сын, который служил в армии где-то в Приморье.

Наутро начиналась тяжелая мужская работа — штурм Комсомольского. Под прикрытием бронетехники омовцы отделениями по шесть—восемь человек отвоевывали у бандитов улицу за улицей, околицу за околицей. Ночевали парни здесь же, в одном из занятых домов. Сферу под голову, спальник на пол — так незатейливо и спали. Очень удивляло ребят то, что каждый дом, каждая надворная постройка в селе были превращены в доты, дзоты и мини-крепости. Везде имелись подземные коммуникации, стены были обложены многочисленными мешками с песком. Короче, готовились к осаде здесь задолго.

Ночью из занятой боевиками части села слышались воинственные вайнахские песни. Оттуда снайперы чалили

рассеянных и бесшабашных. Солдатики, как оказалось, очень безбашенный народ, частенько хулиганили: могли показать противнику голую задницу, а могли чего покруче. Снайперы, увидев такую картину, сначала роняли наземь СВД, а поняв, что к чему, приходили в бешенство и начинали, громко ругаясь, стрелять куда попало, по любому движению. Срочники, добившись своего и посмеиваясь, ложились спать. Новый день был похож на предыдущий, а тот, в свою очередь, на последующий. День сурка.

Однажды к Сергею подошел командир второго взвода — старлей Генка Барыбин.

— Серег, пойдём. Нас командир к себе кличет.

— Зачем, не знаешь?

Генка неопределенно пожал плечами: «Чего гадать? Там узнаем».

— Сегодня ночью пришла шифротелеграмма из Мобильника, — начал командир. — Поедете вдвоем. Сказали: прибыть для получения подарков к 23 февраля. Короче, к делу, поймаете вертушку — и в Грозный.

— Ну, ты, Василич, скажешь, — возмутился Барыбин, — поймаете вертушку! Как будто это мотор поймать на Театральной площади.

— Не мне вас учить, вертолетчики от нас в километре стоят. Возьмете у доктора спирту, сколько нужно, и вперед. Я вас больше не задерживаю, — отрезал Сидельников.

Доктор из медотдела УВД, прикомандированный к ОМОНу, попался очень нервный. Но, надо отдать ему должное, спирта у него было немерено. Причем, где он его прятал, остается тайной и по сей день. Этот жидкий «адаптоген» военврач употреблял в одно лицо. Носил он очки в толстой роговой оправе и сизый нос на своей физиономии.

Однажды эскулап возвращался после очередного обильного возлияния, выбравшись из объятий Морфея, в свой номер-люкс. А надо вам заметить, что продукты отряда хранились здесь же, в землянке. И так как шел он походкой неуверенной, оступившись, влил таблом прямо в коробку со сливочным маслом. После чего помещение потряс первобытный вопль: «А-а-а, ослеп. Ничего не вижу. От водки ослеп. Помогите-е-е!» Сначала началась всеобщая суматоха, но, когда разобрались, в чем дело, — разуверять его не стали. Пожалели, посочувствовали и, оставив врача один на один со своей бедой, легли спать. Причем кто хихикал, кто давился смехом, а кто откровенно ржал. Доктор, мгновенно протрезвев, на ощупь добрался до печки и сел горевать. Вот тут-то к нему вернулось самообладание: от тепла масло растаяло. Он протер очки и, бурча что-то себе под нос о человеческой неблагодарности и о скорой мести, упал на свою шконку и потом долго обижался на ребят.

Дать парням спирт он отказался наотрез. Но ребята были не лыком шиты и выдали ему заранее придуманную версию дальнейших событий: «Ну, не знаем, Вадим. Командир сказал, если не дашь, это твои проблемы. Тогда сам лети в Грозный!» Доктор, сразу испугавшись, отвалил напиток по полной программе — целую пятилитровую канистру.

Проблемы начались сразу же. Один из вертолетчиков, хлопнув себя по ляжкам, выдал: «Да вы че, пацаны. Погода ж нелетная. Сами два дня в воздух не поднимались. Туман».

Второй пилот даже не удостоил омовцев взглядом, он лишь вздыхал да отрешенно отмахивался прутиком от комаров. Но нет препятствий патриотам. Выслушав все «за» и «против» и отведав силушки богатырской, летчики решили: полетим, но задерживаться там не будем. «На все про все у вас, парни, два часа, дольше не

ждем», — сказал второй пилот, нежно обнимая трофейную канистру со спиртом.

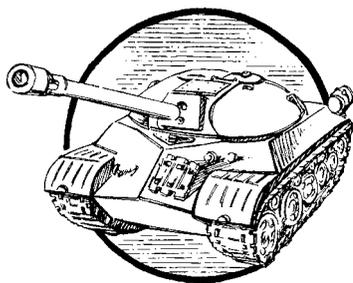
В Мобильном отряде их, оглядев с ног до головы, пожурил пожилой полковник: «Что за вид? Небриты, камуфляж грязный, обувь не чищена. А еще офицеры, на вас ведь личный состав смотрит!» И пошел по коридору, недовольно качая седой головой. Что могли ответить ему офицеры? Разве только, что питьевой воды не было совсем. От услуг протекающей рядом речушки Гойты отказались в первый же день. Набрав воды в кружку и увидев в ней все цвета радуги — вылили обратно. Такой палитрой только акварели писать. Собирали чистый снег и, растопив на печурке, получали воду. То и пили. Побриться, постираться — об этом и речи не было.

Подарками к 23 февраля оказались два аудиомэгнофона. Недовольный интендант, пряча красные глаза, показал, где расписаться, и захлопнул пыльный журнал: «Мэгнофоны получите на складе», — буркнул он. Единственное, что радовало омовцев, — то, что в два часа они уложились.

Назад летчики летели пьяными в драбадан и дуэтом орали за штурвалом: «Ой, мороз, мороз...»

— Ген, как ты думаешь, долетим? — Сергей обернулся к своему напарнику.

— Не мешай, Серег, я «Живый в помощи» читаю...

Содержание

БЫЛИ О ЛИПЕЦКОМ ОМОНЕ.....	3
РАССКАЗЫ	189
<i>Охота на призрака.....</i>	191
<i>Кулинарный экскурс.....</i>	220
<i>Наш принцип.....</i>	225
<i>Перстень с сердоликом, или Беседы с незнакомцем.....</i>	232
<i>Родинка.....</i>	241
<i>Рядовая поездка.....</i>	249
<i>Сереге .....</i>	259
<i>Скала.....</i>	263
<i>Уговорщик.....</i>	269
<i>Четыре килограмма .....</i>	280
<i>Я воевал и выпил море водки .....</i>	287

Сергей служит в Липецком ОМОНе. Наряду с другими подразделениями он отправляется в служебную командировку, в место ведения боевых действий – Чеченскую Республику. Вынося порой невозможное и теряя боевых товарищей, Сергей не лишается веры в незыблемые истины. Веры в свой принцип.

Книга Александра Пономарева «Наш принцип» – не о войне, она – о человеке, который оказался там, где горит земля. О человеке, который навсегда останется человеком, несмотря ни на что. Настоящие, честные истории о солдатском и офицерском быте того времени. Эти истории заставляют смеяться и плакать, порой одновременно, проживать каждую служебную командировку, словно ты сам оказался там. Будто это ты едешь на броне БТРа или в кабине «Урала». Ты держишь круговую оборону. Но, как бы ни было тяжело и что бы ни случилось, главное – помнить одно: своих не бросают, это «Наш принцип».

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ГОРОДЕЦ

ISBN 978-5-907085-23-7

9785907085237

www.gorodets.ru